

ЗЕМЛЯ НОВАЯ

ДМИТРИЙ СЕНЧАКОВ

МОСКВА
7531

Дмитрий Сенчаков

Земля новая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70330999

SelfPub; 2024

Аннотация

Диалог поколений, и как изменить мир к лучшему. Сатирический рассказ, где «ха-ха» стихнут, уступив место рецепту нашей общей долгожданной победы.

Дмитрий Сенчаков

Земля новая

Прошлым летом по традиции на юга́ ездил. В тот раз не понравилось. Пробки кошмарнейшие. По четыре часа стоял перед Каменск-Шахтинским (там мост на ремонте) и перед дамбой за Краснодаром. Про серпантин за Туапсе и вовсе молчу. Но не это расстроило. Взбесил факт, что на любимые места диких обезьян с мотором палатку теперь не воткнуть. Администрация прибрежные поляны прикрыла. Мол, экологи обеспокоены. От бензинового угара соснам не о'кей. И масла́ сквозь гнилые поддоны в море стекают. А оно и так чёрное. Куда уж чернее-то?

Так что в данном году в отпуск подался на северá. При-смотрел себе остров на контурных картах. Вычитал у празд-ных путешественников на форуме: туда в отлив по насыпи податься можно. Хоть пешком вброд по колено, хоть на колёсной технике какой. Места дикие: две покосившиеся из-бушки, где до революции жили урядник с полицмейстером, да три телеграфных столба.

На остров аниматорам вход запрещён. Туда люди не раз-влекаться ездят, а что-то новое про себя открывать. То, что в рутинной жизни скрытым за семью печатями остаётся. За не востребованностью. А так, да, пожалуйста: рыбалка да охота, если кому охота. Ну, комары, конечно, с галку, где ж

без них? Но, умные люди с высшим химическим образованием для того и придумали репеллент.

В машине со мной едут рюкзак с бельишком, сидор с консервой, палатка, примус, канистра керосину и Коля Неледин. Коля в последний момент напросился. Подошёл ко мне, когда я шлагбаум открывал, чтобы со двора выехать. «Возьми меня хоть куда, – говорит, – я пить не буду». Коля – наш дворовый бомж. Нет, хата у него есть. При голубятне. Но залезает он туда редко. Чаще храпит на лавочке. Пробавляется с жэковскими слесарями. Те добренькие, то водочки Коле нальют, то любезно пригласят Колю козла с ними забить. Баба Люба Коленьке колясочки колбаски исправно приносит на лавочку. Заботится на пенсию свою о деточке, которой давно за тридцать. Причитает баба Люба: «Когда Марфа Петровна помирала от несварения, я пообещала о сыночке её заботиться. Куда ж я теперь без Коленьки-то? Родненький он мне стал».

Проехали материк. Никаких тебе пробок! И встречных машин лишь парочка попалась, да и те: КамАЗ да вездеход с колёсной формулой. «Армейский, наверно», – решил Коля Неледин, никогда не служивший в армии по плоскостопию.

Подъехали к броду. Стоим, ждём отлив. Вокруг жизнь, как она есть, буйная, торопливая. Каждая мошка, каждый пестик торопятся скреститься, смысл жизни своей мимолётной обрести. Сосны колышутся ветрами игривыми. Птички перелётные на свирелях оттягиваются. Травы по пояс, точь-

в-точь как в песне старинной про оптимиста-дауншифтера, сошедшего с поезда на дальней станции. Ну и кровожадные зудят за стёклами, чуют упыри, что живое мясо прибыло. Смотрим на бережок, а там, бабушки с матушками, дама стоит. Сарафан ситцевый вокруг стана стройного колышется, сама на солнце щурится, прикидывает чего-то. Завидела нас, подходит.

– Вы на землю новую?

– Вроде да, – отвечаю, а сам стекло не опускаю, чтобы барражирующих насекомых не запустить в салон.

– Подвезёте?

– Отчего ж.

Села дама назад, поверх палатки. Смотрю в зеркало: сидит смирно, не почёсывается. Да и шишаков от укусов не видать. Интересуюсь:

– Вас насекомые не покусали?

– А я заколдованная, – улыбается дама, – я с ними разговариваю, они слушают и улетают.

– А с нами разговариваете, мы почему-то не улетаем, – подметил Коля Неледин.

– Вы слишком тяжёлые, – рассмеялась дама, – да и крылышек у вас нет.

– Ещё и желания ваши исполняем.

– Да. А вот если перечить мне будете, тогда точно улетите. Без крылышек. И без ножек.

В зеркало глянул, и отлегло: смеётся дама. Это юмор у неё

такой задиристый. Ну, мы с Колей Нелединым не обидчивые. Нам любая дама сгодится. На фоне долгих северных закатов волнительным силуэтом будем любоваться. Ведь не чуждо нам прекрасное. Хоть и скромные мы.

Пересекли брод. Аккуратненько, чтобы не гнать волну. Колян высунулся по пояс в опущенное стекло и засвидетельствовал, что уровень моря – по колёсные болты. Поставили палатку. Разбрелись с Колей по берегу мидии собирать, пока морем обратно отмель не накрыло. Жрать же надо где-то. А консерва – она ж на чёрный день!

Вскоре выяснилось, что Коля Неледин не имеет ни малейшего представления, кто такие мидии. Пока я ракушки со склизких камней соскабливал, он набрал целую банку улиток. Думал, прибью его, халявщика, только потом. Попозже. Пока пригодится валежник для костра собрать. Дама увидела его банку, аж вся расцвела. Сказала, что её Варей зовут. Ну, Варя, так Варя. Обещала улиток сварить. Я что, против? Ах, не сварить? Пожарить! И смотрит на меня, словно я – Жора. Не понял, я ей что – сковородарь? Но примус пришлось раскочегарить. Керосину было жаль, конечно, на эту блажь, но улитки неожиданно оказались вкусными, заразы такие. Особенно приправа к ним. Прошлогодня. Нашлась в одной из покосившихся избушек. На этикетке *Heinz* напечатано. Должно быть, немецкая. Ну, и чёрт с ней. Всё равно на улитках этих и кончилась.

Ха, спор у нас с Коляном вышел на эту тему. Я ему говорю:

– Этот соус – «Генц» называется.

– Ты брешешь, я буквы немецкие читать умею. Тут «Хайнц» написано.

– А поэта их знаменитого лирического ты Хайнрих Хайне называешь?

Стушевался Колян. С роду никаких немецких поэтов он никак не называл, ибо не ведал о существовании оных. Спасла Варвара:

– Поэта звали Генрих Гейне. Чем больше узнаю людей...

– Тем больше нравятся собаки, – закончил я строфу. – Когда уходят герои...

– На арену выходят клоуны, – тут же подхватила Варя.

– Эка у вас система пароль-отзыв отлажена, – удивился Коля Неледин.

– Потому что мы – культурные люди.

– Культурные люди улиток не едят, – парировал Колян, явно приревновав меня к Варваре, что я быстро нашёл с ней общий язык.

Под вечер Коля тепло посмотрел на Варю и потащил даму остров осматривать. А я поёжился и в палатку полез. Тем более что воздушная движуха началась. Палатка – лучшее комароубежище. Вот и решил я на досуге и репеллент сэкономить и «Роман-газету» почитать. Пропустил когда-то давно пару номеров. А когда навёрстывать, как не в отпуске?

Ночью явилась ещё одна автомобиль. А что не так? Обыкновенный запутанный русский язык, ничего не выдумываю.

В правилах написано: слова, оканчивающиеся на «ль», могут быть как мужской, так и женской породы. Ага, на выбор рассказчика... Так тут она вся кругом женская: за рулём – Тетяна. Серые очи хладным огнём насквозь простреливают. Полуулыбочка-полуусмешечка присутствует. Мол, знаю я вас. С таких как вы глаз не спускай! А сама автомобиль розовая. Морда стальная, горячая. Четырьмя солнцами-фарами в темноту шпарит. Воздух на два мира режет: тот, где уже проехала, и тот, где вот-вот поедет. И Тетяна с этой машиной вылезла вся такая. Хвосты резинками из-под денежных пачек собраны, торчат в разные стороны. Чёлка смешная на полб. Вышитый мандалой балахон до колен со шнуровкой вместо декольте.

Впечатлился я об неё, но виду не подал. Полез обратно в палатку сон ночной досапывать. На Коляна напоролся. Тот дрых без задних тапок с улыбкой блаженного. После прогулки с Варюшей. Ну, это он так теперь её во сне называет. Ласково.

Настал новый день, и залил циклон наш остров дождём коварным. Первой в палатку Варя пришла. Призналась, что неудобно ей в избушке одной сидеть. Промозгло, да и крыша протекает. Дождь не истощался, поэтому к обеду подтянулась и Тетяна. Рассказала, что от барабанной дробы по железной крыше розовой машины у неё приключилась мигрень. А от отощавшего желудка – икота.

– Выручайте, ребята, найдётся галета какая на зуб поло-

жить?

Варенька радостно закивала головой. Так они с Тетяной и сдружились, раз уж оказались заодно, в одной, так сказать лодке, то есть, палатке. Короче, в одной упряжке. Поскольку Варенька лично поддержала тему, услужливый Колян метнулся в машину за сидором с консервами. Я решил, что-то рановато наступил «чёрный день», но деваться некуда: самому жрать охота. А вчерашние мидии и улитки вчера же и кончились.

Порылась Тетяна в мешке и поджала губки. Передала Варю. Та взглянула и так же скривилась:

– Тут только тухлец в собственном соку да кишки в томате. А что-нибудь съедобное у тебя есть?

Обиделся я и достал им из кармашка рюкзака по пакетику растворимой овсянки.

– Кипяток сами вскипятите, раз вы такие привередливые. А нам с Коляном сейчас килечка великолепно зайдёт.

Облизнулся улыбчивый Колян. Перспектива ему была в пору. Но Варвара такой волевой бабой Ягой на него зыркнула, что малец тотчас потемнел. Поплёлся под дождь. Теперь то ли костёр разводит, то ли примус кочегарит. Тут уж и я обиделся – отобрали у меня сотрапезника. Зашвырнул сидор с консервами в угол палатки, повернулся к гостям спиной и устался на «Роман-газету».

После тихого часа прибыл с материка автобус рейсовый. Ну, это я тогда думал, что рейсовый. На полном серьёзе. Ре-

шил даже при случае расписание загуглить. Вдруг пригодится оказия какая. Оказалось: явились дикари, измученные городомором. Целой компанией. Отдыхать на природе нетронутой. Ну, дикари, как есть. Чесслово. Орали-буянили. В момент нассали, насрали, бутылки выпили и разбили о прибрежные валуны. Разбрелись теперь фрики по острову и отсыпаются в траве, кого, где и как сморило. Говорят, у них каждый год так. Задвигают Москву, Петербург, Воронеж и отправляются в поход на любимое место. С комузом, кубызом и балаганом. Оставляют после себя природу истроганной, надруганной. И подметальщик за честной компанией один единственный. И звать его ветер.

Дождь уже и не лил вовсе, а так... Исподтишка мокро капался, шкодник. Отправился я по острову гулять, благо погода благопрепятствовала комарам. Всякого наслушался и посмотрелся. А заодно познакомился с Манькой и глистой Алисой – девками из рейсового автобуса. Купались обе на закате, да спьяну забыли, на каком камне догола разделись. Пришлось мне в темноте на ощупь их тряпки искать. Больше некому было. Единственный вменяемый чувак на острове оказался я. Обнаружил я все эти резиночки-бретельки-застёжечки. Торжественно поднёс.

– Молодец! – похвалила глиста Алиса.

– Возьмём тебя на холодец, – ржёт Манька.

Ох и красивая девчонка была эта Маня ещё совсем недавно, пока не поразил её прожорливый вирус молодёжной мо-

ды. Не могу на это смотреть. Отвёл глаза... А там гусиная кожа вокруг Алисиных сосков (груди-то у неё нет совсем). Тактично опустил взгляд в ноги, где море у подножия плоского камня плещется. Ну, я и потрогал воду из любопытства. Безнадёжно холодное море. Даром, что не плавают льдины, ну, или там контейнеры с жидким азотом. Осознал, чтоб оно мне по колено стало – столько мне никогда не выпить. Чмокнула Манька меня в одну щёку, глиста Алиса – в другую. Пообещали, что увидимся. Скоро.

К палатке своей вернулся. Смотрю – за рулём моей машины сидит кто-то. Присмотрелся: дреды по самые пятки, из глаз затуманенный интеллект наощупь погулять вышел. «Я, – грит, – только за мфитамином Це в аптеку сгоняю и тотчас назад».

Разозлился я. Вызываю с палатки разомлевшего Колю Неледина.

– Это кто?

– Это Фюмо, – молвит Коля, кося глазами.

– Курящий?

– Не знаю. Но, точно пьющий – сам видел.

– Был бы пьющим – был бы Бёво.

– Почему?

– Дурень, это по-итальянски.

Случилось утро. Очухались аборигены, замученные городомором. По одному. Послонялись без дела, морды свои распухшие в море окунули, принялись за строительство. Выну-

ли с багажных закромов автобуса листы оцинкованные, да ящики с болтами. Скрутили ангар полукруглый, как на аэродромах. Строили жилплощадь весь божий день. Но собрали ловко, ни один фрик даже с верхотуры не сверзился ни разу. Я удивился: откуда у коматозных смекалка да слаженность? Некто Федя пояснил: уже в сотый раз ангар складывают. Первые семьдесят раз собирали на производственной площадке, тренировались. Теперь вот вывозят жилплощадь на природу: кто в отпуск, кто на каникулы.

Гирлянды ёлошные под сводами растянули. Я стою – ржу.

– А лепездричество откуда возьмёте? На острове-то на этом только три столба телеграфных, да и те пообносились.

– Так отож!

– Не уж-то генератор с собой притащили ради такой безделухи?

Но нет! В последних лучах северного солнца сгоняли активисты вброд на материк, на подстанцию, попутно присматривая два провода телеграфных неразорванных. Чтоб исправно на столбах висели: на изоляторах не разбитых молниями и камнями из-под бывших хулиганствующих пионеров; не перекручивались, наконец. Подключили на живую, в пыльные чужие пакетники. Те – старые, бакелитовый корпус у них заслуженный. Столько мух засиделось на них в годы былые, жирные, когда толпы молодых комсомольцев ломались за северными надбавками! И не придуряться по землям новым, а вкалывать на социалистических стройках и пере-

довых буровых.

Потекли электрончики по древним проводам телеграфным. Те запели и зазвенели. Ну, вольт девяносто из двухсот двадцати добралось до острова, отчаянно сопротивляясь физическому сопротивлению стальной проволоки. Засветилась гирлянда грязно-жёлтым лунным унылым светом, слишком слабым, чтобы отбрасывать тень.

Плюнул я и пошёл в палатку под светодиодным фонариком свою «Роман-газету» читать.

Федя у них самый смышлёный. Единственный фиксик из автобуса. Остальные – обыкновенные фигсики. Чего не попросишь – фиг получишь. А Фёдор забрался на телеграфный столб, примотал к нему шест с заведомо закреплённым усилителем сотовой связи. Затренькали телефоны у девчонок. Манька накладным ногтем зелёный шарик сдвигает, на громкую связь переключает, оттуда тенорок такой саксаульный:

– Манька, ты где, вообще? Я тебя чёт заждался встречать уже.

– На земле, на этой... Новой.

– А что ты там делаешь?

– Туса тут у нас. Тут и Витёк-программист, и Хасанчик со своей колбаснёю. Анарекса Ксю с Натэлкой-Хатэлкой. Глиста Алиса с Шурликом-Мурликом. Завтра Ненайдула с Бадьяром подскочат.

– Ни фиги-се у вас...

– А ты где?

– Я на Бали.

– А-а, – заскучала Манька.

– Тогда я лечу к вам!

– Давай.

– А какой у вас аэропорт?

– Какой аэропорт? – обращается к туристам: – Ребята, какой тут аэропорт?

– Да какой здесь аэропорт? Тут – дамба, две избушки покосившихся, три столба телеграфных.

– Слышишь, Пусик? Тут дамба и столбы. Ну, эти... Телеграммные.

– Я найду.

– Конечно, найдёшь. Жду!

Маня у автобусных – командирша, жандармша. Всяк слушается её, прислуживает, растолковывает ей, расталкивая других. Настоящая атаманша. Атаманьша. Однажды назвал её при всех Атаманей – с лёгкой руки прикипело.

Ох и типажная публика, даже присматриваться не надо. Обезкефиренное, обезпионеренное и обезкомсомоленное поколение выродилось в некромодернистов. У девок губищи распухшие, словно велосипедным насосом накачанные. Даром что ниппель не торчит наружу. Зато в ноздрях проволока. Размашистые брови нарисованы гуталином. Велюр нежной кожицы девичьей обильно покрыт струпьями партаков: вон, глиста Алиса руки тянет, тушью целиком за-

крашенные, к шее хахаля своего, Шурика. А ведь у неё ещё и Горгона меж сосков намалёвана, а что, места полно, груди там нет совсем. А у ейного Шурлика-Мурлика – так и вовсе полкорпуса разрисованы гадами с их ядовитыми глазками, «ви»-образными язычками и кольчатými хвостичами.

Причесал ногтями свою всклокоченную приусадебность, набрался адреналину неслыханной наглости, сделал Атамане замечание:

– Уважаемая Маня! Вы же по образу и подобию божьему слеплены. И ведь как ладно скроены! Фигурка у вас волнительная. Кожица ваша нежная, персиковая. Зачем вам на теле рисунки эти бесовские? Они же унижают вас. Пачкают. Неужели вы не понимаете! Ну, представьте, если на портрете Моны Лизы в музее посетители начнут автографы оставлять. Ну, ведь то же самое!

– Слышь, Алиска, тут татуировки наши не ко двору пришлись.

– Поймите, девчонки, ну вы же одушевлённые. Вы же всегда разные! И в радости, и в горести. В купальнике или в офисном костюмчике. С улыбкой ли, со слезой ли в уголке глаза. А лубки эти ваши заморожены раз и навсегда. Вы же перерастёте их уже через пару лет. Неужели вы не понимаете?

– Мань, у него, наверное, справка есть. Не боится мужик ничего.

– А представьте, что вам уже вдвое исполнилось. Ко-

жа дряблая, отвисшая. И мазня эта сморщенная, потемневшая... Как смотреться она будет? Не приведи господи, приведётся кожу с ягодиц переставлять. Что, и ягодицы у вас замалёваны? Тогда в темноте не обратил внимания.

– Алиска, ну и что нам теперь делать-то?

– Пойдём, подруга, выбросимся на помойку.

Но не сдавался я. Выследил самую тощую девчонку из автобуса, ещё тоньше глисты, когда та на камушке сидела, ручонки свои хрупенькие к солнцу северному развернула.

– Приветствую вас, Ксюша, – говорю, – загораете?

Анарекса Ксю сощурилась на меня.

– Я, – отвечает, – месяцами солнца не вижу. Откуда оно в Москве?

– Ну как же, – сконфузился я, – плывёт с востока на запад шар дюже огненный над крышами покатыми. Неужели не замечали?

– А, вы про тот? Я думала, это Собянин подвесил.

Поперхнулся я, но виду не подал.

– Нет, ну от погоды зависит, конечно... А она – дама капризная.

– Дама? – удивилась Ксюша. – Какую погоду назначит главный вильфанд России – такая и будет. При чём тут чьи-то капризы?

Промолчал я. Посидел, подумал, да и боком-бочком во-сво-яси. Не моё оно. Да и вообще какое-то ненашенское. То ли постсоветское образование, то ли и вовсе новообразова-

ние злокачественное.

Крайней из женского населения острова Натэлка-Хатэлка осталась. Дама ну вовсе не моего типажа. Молочная, липучая. Громкая, звонкая, цепкая. Аборигенам от неё отбоя нет. Весь пятачок на острове в её буферах. Уболтать способна любого. А потом взболтать полусонного. Боялся я её. Долго сторонился. А куда деваться? Настигла меня Натэлка врасплох на прогулке моей молчаливой. Под локоть схватилась. Бедром прижалась.

– Как зовут хоть тебя, пожилой странник?

– Да какой же я пожилой? Мне до пенсии ещё десять лет.

– Зато мне до пенсии, как до Луны пешком. Я только в универ поступила. Хочешь меня внучкой своей?

Отшатнулся было я, но держат меня крепко.

– Это противоречит правилам естественного отбора, – защищаюсь научным словом.

– Каждый волен сам осуществлять свой отбор. Иное – противоестественно, так как является насилием над личностью.

– Вообще-то я про теорию Дарвина.

– А я про практику Гудвина, – вызывающе вскинула сизые глазищи девчонка.

И ведь не заржала Натэлка, и я бы воспринял этот смех с облегчением. Наоборот, рассматривает меня серьёзно, и в глазах её строгих масштабно читаются планы, громоздящиеся посчёт всех и каждого.

– Но, постойте! Человек произошёл от обезьяны в результате естественного отбора, а не потому, что обезьяна выбрала стать человеком.

– Ой, не смешите. Каждый знает, что взрослые люди произошли от детей, а не от обезьян.

– А эти дети?

– Смешной вы деятель, однако... Конечно же, естественным образом – из чрева матери. А что, могло как-то быть иначе?

– А самые первые взрослые, ну или там дети?

– Не знаю. Возможно, они прилетели. Да, точняк! Они были марсиане.

– Марсиан выкосил вирус.

– Брюс Вирус? – окутала моё ухо горячим паром Натэлка.

Пока очи её горели, грели и озаряли, мои, напротив, окончательно погасли. Я понял, что этой публике не смогу ничего объяснить. Они другие. Это они инопланетяне, предпринявшие массовый десант на голубую планету. И не испытывают к ней, к себе, к культурному наследию никакой любви и чувства прекрасного. Планета наша любимая для таких – лишь питательная среда.

Щёлкали длинные северные денёчки. Передружились островитяне перекрёстно, ведь особых мордобоев не было – возникали, конечно, да так, по мелочи.

Утром натыкаюсь на бодрого Фёдора с отвёрткой и пассатижами. Опять цивилизацию какую девкам кумекает.

– Доброе утро! – говорю ему, ведь Федя у меня один из самых уважаемых. Единственный, который не фрик.

– Харе Кришна! – отвечает.

Тут уж я не выдержал.

– Крышна! У тебя поехала. Ты ж ведь православный человек, право слово. Ежели и не по крещению, так по культуре. Али молоко из матери не сосал?

– По культуре быта или бытия? – добродушно полез на рожон Федя.

– Бита или битья? – задорно подхватил вопрос балалаечник на комузе с певучим именем Ненайдула и задиристо изобразил жест кулаком под челюсть.

– Питы или питья? – подвернулся утопающий в дредах Фьюмо, в одной руке бутерброд, в другой стакан.

– Нытья, – отрезал я.

За удравшие наутёк недели честно или бесчестно, но без остатка распределилось прихваченное с материка пропитание. В процессе жизнедеятельности ободрали подчистую прибрежные мидии, срезали грибочки в подлеске, слизали ягоды. Варвара лишь разводила руками – нету больше улиток. Ни единой! А заодно и муравейники разорили – нашлись в автобусе любители освежаться по утрам кисленьким. Изжарены и все птенцовые голубовато-грязноватые яйца, сворованные из гнёзд, что свили на прибрежных скалах неприхотливые люрики. Выловили бы и самих люриков, если бы хоть один из фриков обладал навыками птицелова. Иссяк

запас консервов на чёрный день, который не вылезал из Коли Нелединой головы, пока сидор не опустел. Когда налегли на крайнюю меру – сушёную лапшу из автобусных закровов, мозговитый Федя вспомнил про удочки.

Наловил корюшки, танцует теперь с шаманским бубном вокруг костра с котелком – мутит юшку. Прицельный утончённый аромат выдаёт Федю с потрохами. Собрались амфитеатром истерзанные городомором голодные островитяне. Пока ведут себя мирно. Шутят шуточки.

– Лиха еда начало!

– Потонешь в еде, как в тёмной воде!

– С едой самому не справиться – на люди иди!

– Завелась еда – отворяй ворота!

– Еда не так страшна, когда рядом есть друзья!

– Короче, мы тебя в еде не бросим! Мы тебя из еды выручим!

Федя – парень не промах. Кроет:

– Чужой едой сыт не будешь.

Но сердце у парня доброе. Девчонкам пообещал, что накормит. А мужескому представительству объяснил, что к чему, и раздал удочки.

– Еда не приходит одна, – приговаривает Фёдор, – еда еду накликаёт.

Побили бы его, но Атаманька зычно взбодрила толпу поклонников, чтобы облик не теряли. Рыбы в море много. Хватит на каждого. И не по одному разу. Останется и рыбмор-

флоту. В Британию импортировать для их народного блюда «фиш энд чипс».

Федя выделил меня особо из мужеской бригады, как самого пожилого на острове: угостил. Смотрит на меня Коля Неледин взглядом классового врага. Ну, я и отказался из солидарности. Зато Маня с Тетяной настояли, чтобы ел и не оглаживался на товарищей. И глиста Алиса не отставала подзуживать на пару с Варварой. И Анарекса Ксю с Натэлкой-Хатэлкой. Каждую ложечку в рот мой провожали с прибаутками заправских болельщиц. Наелся я славной Фединой ухи до самых дальних пищенакопительных закоулочков. Поблагодарил кормильца. Полез в палатку «Роман-газету» читать. Не тут-то было. Сытая, разомлевшая от рыбьего жира Тетяна под мышку занырнула, просит тепла и ласки. Коля Неледин так и не явился в ту ночь, видать затискала его совсем Варвара Гаврииловна в избушке ведьминой, али договорённость какая у них была с Тетяной Руслановной моей – дамы оне умные. Знают, чего хотят. Не то что молодёжь татуировочная, расписная с фасаду.

Стоит признаться, к тому моменту мы с Тетяной Руслановной полегоньку, незаметр за незаметром сблизились гораздо лучше, чем давно плохо знакомые люди, коих среди пар безнадёжное большинство. Она даже деликатно поинтересовалась пропорциями моего московского жилья. Попутно проняла меня до солнечного сплетения признанием, что её киевская квартира разрушена влетевшей в дом противо-

ракетой украинской ПВО. Та по старости нештатно сошла с установки С-300, замаскированной во дворе соседней школы. Короче, ушлая женщина оказалась. Но я таких люблю. С ними не пропадёшь.

Прижилась на острове фишкультура. Даже негласное соревнование затеялось – кто больше корюшки наловит. И ревностные болельщицы нарисовались во главе с бессменной Атаманей. Один я – словно рыба-тунеядец, ни к тем, ни к иным не соотносился, но по доброте душевной общество продолжало меня подкармливать, за что им особое от души спасибо.

Забрался Федя, главный Рыбинзон наш, по пояс в море. Затих с удочкой своей. Я б уже полностью окоченел на его месте.

– У тебя там что, под гусиной кожей полиуретановая теплоизоляция?

Смеётся Федя. Корюшку подсекает, на прутик накальвает.

– Мне нормально, – говорит, – я зимний!

– Постой, не тебя ли на прошлой неделе... Мы всей землёй новой отхэппибедствовали? Да так, что остров три дня гудел как деревенский трансформатор, в котором завелись осы.

– Меня.

– Ну и какой же ты зимний? Зачем врёшь?

– А я и не вру. Я в Аргентине родился. У меня и в паспорте

записано.

Махнул я рукой. Ну что за публика! Ни замечание сделать, ни во лжи уличить – на всё ответ свой имеют. Человека, вдвое старшего по годам, ни в грош не ставят с его полезным жизненным опытом.

На следующий день смотрим, уазик по дамбе чапает. Газует почём зря. Брызгами разбрасывается. Явился майор в полном воинском обмундировании с личным шофёром, молодым очкастым солдатом-срочником.

– Прекратить безобразие, – уныло приказал майор.

– Мы бы рады.

– Покинуть остров, – не сдаётся он.

– С какой стати?

– Эта земля новая?

– Новая, – подтвердили мы.

– Будем здесь оружие атомное испытывать.

Обвёл он глазами нас, туристов обалдевших, и добавил:

– Новое!

Коля Неледин раздобыл в ангаре бутылку. И ведь знает, шельмец, где ему там припрятано. Плеснул майору стакан водки. Облизнулся офицер. Но не снизошёл. Колян посмотрел-подождал, да и вылебал сам. Хоть и обещал не пить. Майор ревниво проследил за Колей, как тот глотает водку, и глаза его при этом медленно наливались ненавистью. Я понял – грозе быть!

В разгар армейского ненастья выступил хладнокровный

Федя.

– Ты чего, – говорит, – разошёлся? Мы тебя сейчас обольём зелёной из Кёрхера.

Никакой зелёнки у аборигенов, конечно же, не было, но майор об этом не знал. Ему для выполнения приказа командования такая глубокая степень маскировки не требовалась. Притих.

Поздно вечером засиделись с майором в ангаре, гоняли чай из сушёных морских водорослей.

– Границы России нигде не заканчиваются, – глядя на нас исподлобья, процитировал майор главнокомандующего. – Мы защищаем всех угнетённых.

Киваю, а сам секу, что Манька с глистой Алисой скучнеют, тускнеет и огонёк в уголках прекрасных, но исключительно потребительских глаз.

– Только мы НАТО прихлопнуть можем, – напомнил майор. – Больше никому.

– Свежо преданьице, – пожал плечами Фёдор. – Покамест наоборот: они безнаказанно отхватили Остзейский край.¹

– Транспортниками летают над бывшей советской территорией, как у себя дома, – вспомнил накачанный Шурлик-Мурлик, поглаживая Алискину коленку.

– НАТО воюет с Россией руками малороссов на территории Украины, – осмелел я, косясь на заскучавших девчонок.

¹ Историческое название трёх прибалтийских губерний Российской империи: Лифляндской, Курляндской и Эстляндской.

– Вот я и приехал сюда, чтобы Россия победила, – признался майор.

– Ты, случайно, не ошибся направлением? – вспыхнула Манька.

– Донбасс в другой стороне, – неопределённо взмахнула ручонкой Алиса.

– У противника тысячи томагавков, которые они ещё даже не расчехляли. Как ты победишь их танками и самолётами?

– И что же делать? – загрузился Коля Неледин, бесполезный, но гордый человек-бомж.

– Да, расскажите, на что нам надеяться? – вежливо поинтересовалась у служивого ведьма Варвара, способности которой на политику и политиков не распространялись.

– Победят Североатлантический альянс только ракетные войска стратегического назначения. Ядерные силы России создавались исключительно с целью сдерживания американской агрессии. Но сейчас они не задействованы в военном противостоянии.

– Что же они медлят? – включилась Тетяна, у которой были личные счёты к украинской власти.

– Ждут команду. Но мы не просто ждём. Мы готовимся.

– И каков ваш план? Разнесёте Америку в клочья? – наехала Натэлка.

– Как она своей Йеллоустонской кальдерой бабахнет! – облизнулся Фюмо.

– Баба ахнет, – одёрнул того Федя.

– Ты не выглядишь идиоткой, – внимательно посмотрел майор исподлобья на Натэлку.

– Я-то не идиотка.

– Зачем тогда мелешь чушь?

– Зато вы там все полные идиоты! – разоралась Натэлка. – Американцы ответным ударом сотрут нас с лица земли.

– Если третья мировая война – это тупик, – терпеливо осадил нервную девушку майор, – выходит, её необходимо предотвратить. Не так ли?

Туристы переглянулись и неуверенно кивнули.

– Для этого Россия и проведёт ядерные испытания. Необходимо продемонстрировать противнику, что наше ядерное оружие находится в исправном состоянии.

– А потом? – выразила всеобщее возбуждение Анарекса Ксю.

– Потом вернём в ракеты полётные задания, нацелим их на Америку.

– Надеетесь таким образом устроить американских военных? – недоверчиво переспросил смышлёный Фёдор.

– Не военных, а десятки миллионов американских обывателей, которые поднимут штаты на уши. Вашингтону придётся договариваться с Москвой, повторяя опыт Кеннеди во времена Карибского кризиса. Они сворачивают агрессию, а мы не запускаем ракеты. Это и называется сдерживание. Технология, которая прекрасно работала до девяносто четвёртого года, когда Ельцин отменил нацеливание ракет.

– Понятно, – оживился Витёк-программист. – А без помощи из-за рубежа бандеровцам крышка...

– Какая-то чересчур бесхитростная стратегия, – поморщился гордый Хасан. – Хотя... Подтверждаю, у дворовой шпаны именно так всё и устроено.

– Но для сдерживания нужен рубеж! – сообразил Федя. – Что же, придётся объявить новые границы?

– Нет, – объяснил майор, – границы определены по итогам второй мировой войны и закреплены действующим международным правом.

– А если американцы наплюют на международное право?

– А ты пораскинь мозгами. Американцы – соучредители международного права образца сорок пятого года. И неплохо жируют с этого. Чтобы стать единоличным учредителем нового международного порядка, основанного на их грёбанных правилах – им необходимо развязать третью мировую войну, выиграть её и выжить в ней.

– Как минимум одно из трёх перечисленных условий – невозможно, – согласился молчаливый Бадьяр.

– Вот именно.

Лето на северáх короткое. Только, казалось, поднялись тучи мошки, зацвели все эти цветные мхи-лишайники, безымянные лютики-цветики-семицветики, заискрилась под ногами костяника-клюква-морошка. Щёлк! Полетели по зимнему расписанию белые мухи. Вертятся, выюжатся, вытоптанную и замусоренную поляну сединой укрывают. Кто не

успел за сезон прокрутиться – отдыхай теперь до весны. Сдуло туристов, как пыль с телевизора. Словно ничего и не было.

Но не сложилось снежинкам вернуть краю покой и безмолвие белое – состоялся массиванный вертолётный десант. Испытание ядерного заряда – дело серьёзное.

Заждалась Родина-мать героев-ракетчиков. Уж все глаза выплакала, теряя лучших сынов своих на поле боя и детишек несмышлёных в обстреливаемых офицерами НАТО прифронтовых городах.